

ГЛАВА НИКАКАЯ,

из которой тем не менее можно кое-что узнать

Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это не НИКАКАЯ ГЛАВА, а НИКАКАЯ НЕ ГЛАВА — это просто-напросто... Думаете, так я вам и сказал? Нет, подождите. Вот дочитаете до конца, тогда узнаете!

А не дочитаете — ну что ж, дело ваше. Только тогда — почти наверняка! — не сумеете правильно прочитать и всю книжку. Да, да!

Дело в том, что хотя перед вами — сказка, но сказка эта очень, очень непростая.

Начнём с начала, как советует Червонный Король (вам предстоит с ним скоро встретиться). И даже немножко раньше: с названия.

«Приключения Алисы в Стране Чудес»...

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле — разве по названию догадаешься, что речь пойдёт о маленькой (хотя и очень умной!) девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь.

Да и «Страна Чудес» — тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в заглавии этой сказки!

Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Алёнка в Вообразилии». Или «Аля в Удивляндии». Или «Алька в Чепухании». Ну уж, на худой конец: «Алиска в Расчудесии». Но стоило мне заикнуться об этом своём желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел!

Всё горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет тому назад* и за это время успела так прославиться, что и у нас все — хотя бы понаслышке — знают про Алису и привыкли к скучноватому названию «Приключения Алисы в Стране Чудес». Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Хотя название «Алиска в Расчудесии» гораздо больше похоже на настоящее, английское название этой сказки; но если бы

* Кэрролл опубликовал книгу в 1865 году. В 2020 году отмечался её уже 150-летний юбилей. (Прим. ред.)

я её так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая...

А знаменита «Алиса» действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски. Там её знает каждый и любят все. И самое интересное, что, хотя эта сказка для детей, пожалуй, больше детей любят её взрослые, а больше всех — самые взрослые из взрослых — учёные!

Да, сразу видно, что это очень и очень непростая сказка!

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых «Алису» на все лады растолковывают и объясняют. А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не всё поняли.

Так что и вы не очень огорчайтесь, если тоже не сразу всё поймёте. Ведь всегда можно перечитать непонятное место ещё разок, правда?

Я надеюсь, что я вас не слишком запугал. По совести говоря, бояться нечего. Для того чтобы правильно прочитать, то есть понять, эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно — и это совершенно обязательно! — иметь чувство юмора, потому что это одна из самых весёлых книжек на свете.

Тут я за вас совершенно спокоен — уверен, что смеяться вы умеете и любите!

И нужно ещё — и это тоже совершенно обязательно! — КОЕ-ЧТО знать.

Потому что если в голове пусто, увы, самое большое чувство юмора вас не спасёт.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого огромное чувство юмора — он может захохотать, когда никому другому и в голову не придёт улыбнуться. Любимая его шутка (он сам её придумал) такая:

— Андрюшенька, как говорит курочка?

— Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом.

Но если вы ему скажете, что Ихтиозавр говорит: «Ах, батюшки мои!» — Андрюшенька и не улыбнётся.

А всё дело в том, что он очень плохо знаком с повадками Ихтиозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать её по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ; надо знать, из чего НЕ делается ГОРЧИЦА и как правильно играть в КРОКЕТ; кто такие ПРИСЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ; и какого рода ВРЕМЯ, и курят ли червяки КАЛЬЯН, и носят ли Лягушки, Караси и Судьи ПАРИКИ, и можно ли питаться одним МАРМЕЛАДОМ и... и так далее и тому подобное!

Кстати, я неслучайно упомянул Ихтиозавров — ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые в этой сказке встречаются на каждом шагу: например, Короли и Герцогини, Графы и ЭРЛЫ (в сущности, это одно и то же). Лакеи и, наконец, вымершая птица Додо, она же ископаемый Дронт. Это и неудивительно — вы ведь не забыли, что, как я уже сказал, книжка была написана целых СТО лет назад!

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может — даже Малый Энциклопедический Словарь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется очень уж непонятным (а главное, не смешным!), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг да они это знают?

А уж когда вам всё будет совсем понятно, тогда вы, может быть, кое о чём задумаетесь...

Но это, впрочем, не обязательно.

Я надеюсь, что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто её сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он её или нет, если бы не одна маленькая девочка, которую звали... Угадайте!.. Правильно, Алисой!

Да, именно Алиса потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого, мистера Доджсона, чтобы он рассказал ей и её сёстрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше весёлой чепухи. И видно, эта Алиса была такая девочка, которой очень трудно было отказать, потому что мистер Доджсон, хотя и был профессором математики (честное слово!) и к тому же в этот день уже сильно устал, — послушался. Он начал рассказывать сказку о приключениях одной девочки, которую тоже почему-то звали Алисой!

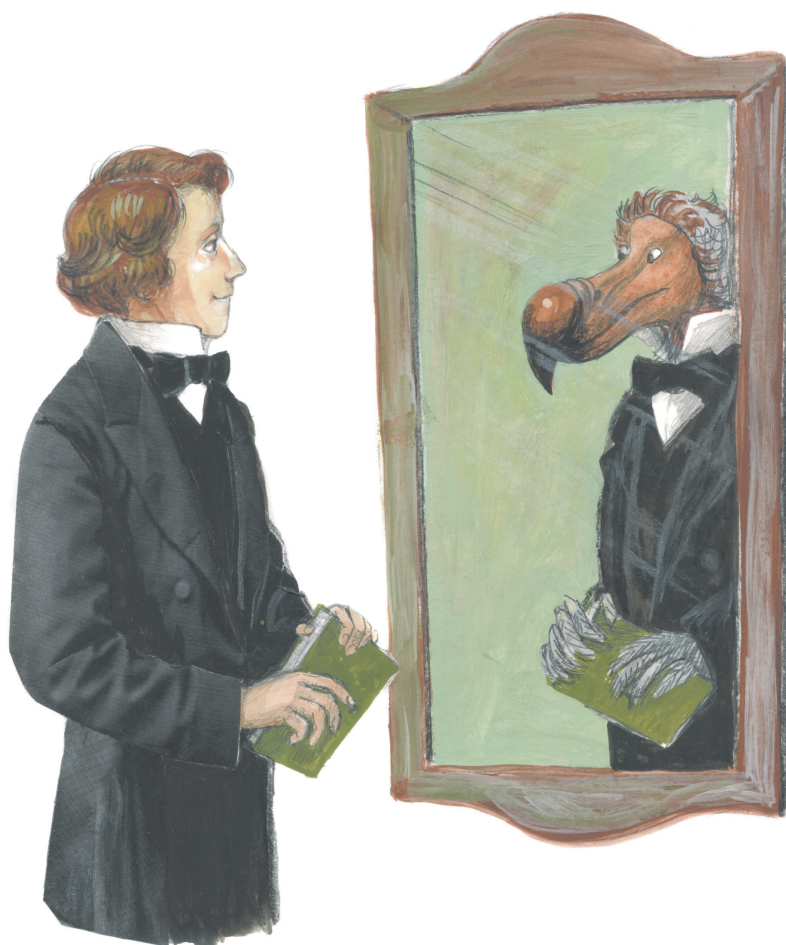
Надо отдать должное маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису, полностью её звали Алиса Плезенс Лиддел) — она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку!

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным человеком,

сухим математиком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса — как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Чарльзом Лютвиджем Доджсоном (так его и звали, я этого не выдумал!) — прекрасно знала, что он вовсе не такой и всё это неправда!

Разве можно было считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мышь — и эта мышь бегала как живая! Человека, который из простой бумаги складывал пистолет, — и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего! Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки — он выдумывал головоломки, загадки, игрушки, игры, да ещё какие! В некоторые из них играют и до сих пор. (Именно он придумал весёлую игру, которая называется «Цепочка», или «Как сделать из мухи слона»; кто умеет в неё играть, легко может превратить НОЧЬ в ДЕНЬ или МОРЕ в ГОРУ. Вот так: МОРЕ — ГОРЕ — ГОРА. И всё! Можете играть, только не на уроках!)

Особенно он любил и умел играть... словами. Самые серьёзные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыркались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое — словом, бог знает что выделявали!

И ещё он умел переделывать старые, надоевшие стишки — переделывать так, что они становились ужасно смешными. Это, как вы знаете, называется пародиями.

И даже собственное имя (Чарльз Лютвидж, вы не забыли?) он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

И всё это — выдумки, игры, загадки, головоломки, сюрпризы, пародии и фокусы, — всё это есть в его сказке про девочку Алису.

Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы сейчас читаете, и при чём тут я.

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе — одна из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал её не раз и не два — целых двадцать пять лет. Читал я её по-английски; скажу по секрету, что ради неё-то я и выучил английский язык. И чем больше я её перечитывал,

тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем больше я убеждался в том, что перевести её на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал её по-русски (в переводах, их было немало, от них-то и пошло название «Алиса в Стране Чудес»), тогда я убеждался в этом ещё больше!

Не то чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие проделывали английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам ещё получались, но что-то — может быть, самое главное — пропало, и весёлая, умная, озорная, расчудесная сказка становилась малопонятной и — страшно сказать — скучной. И когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется, — отвечал я, — только я успел убедиться, что, пожалуй, легче будет... *перевезти* Англию!

Да, я был уверен, что всё знаю про «Алису», и уже подумывал — не засесть ли мне за солидный учёный труд под названием «К вопросу о причинах непереводаемости на русский язык сказки Льюиса Кэрролла», как вдруг...

Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссёру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось:

«...Какой же я видел тебя, Алиса, в своём воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней); и ещё — учтивая:

вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама — королевская дочь в шитом зóлоте наряде. И ещё — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять её с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, — любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, какая даётся лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и грех — всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!»

И не знаю почему, когда я прочитал это письмо, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой, что я вдруг махнул рукой на свой «научный труд» и на все свои умные рассуждения и решил попробовать — только попробовать — *рассказать о ней по-русски.*

И вскоре я понял, что самое главное в книжке об Алисе — не загадки, не фокусы, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и посмеивается над ней), что эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника — в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке — и сказке! — такую долгую-долгую, на века, жизнь!

Словом, со мной вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая обычно говорила:

— Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу — тогда узнаю!

Так и я. Когда я кончил рассказывать «Алису» и получилась та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про неё по-настоящему думаю.

А теперь остаётся самое главное — что обо всём этом подумаете вы...

И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, давно догадались, что это всего-навсего ПРЕДИСЛОВИЕ!). Если я выполнил своё обещание и вы узнали КОЕ-ЧТО, мне очень приятно. А особенно приятно, что мне не надо тут писать слово «Конец», потому что ведь это только начало — начало книжки о приключениях Алиски в Расчудесии...

Борис Заходер

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой Алиса чуть не провалилась
сквозь Землю

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелёгкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стихов. «Кому нужны книжки без картинок... или хоть стихов, не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из лёгких — от жары её совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти

собирать эти маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, ещё не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»). Кстати, потом, вспоминая обо всём этом, она решила, что всё-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что всё идёт как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила!

Ещё бы! Ведь это был первый Кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала!

Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью.

В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чём подумать ей не мешало бы — ну хоть о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела-полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у неё времени вволю и для того,

чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что её ждёт впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка: «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВА-РЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но, хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила её, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да, — сказала себе Алиса, — вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну!

(Боюсь, что тут она была даже чересчур права!)

И она всё летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела? — громко сказала Алиса. — Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила что-то в этом роде; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями — ведь, к сожалению, никто её не слушал, — она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно, — продолжала она. — Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, — ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю Землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу — и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятки, что ли?

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что её никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.*)

— Только мне, пожалуй, там придётся спрашивать у прохожих, куда я попала: «Извините, это Австралия или Новая Зеландия»?

(Вдобавок Алиса попыталась ещё вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

— Но ведь эта тётя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у неё не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали её кошку.) Хотя бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не всё ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

* Мы-то с вами, конечно, прекрасно знаем, что тех, кто живёт на другой стороне земного шара, называют (во всяком случае, в старину называли) *антиподами* (здесь и далее прим. Б. Заходера).

А иногда у неё получалось:

— Скушает мышка летучую кошку?

Или даже так:

— Скушает мышка летучую мышку?

Не всё ли равно, о чём спрашивать, если ответа всё равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей:

«Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?»

Как вдруг — трах! бах! — она шлёпнулась на кучу хвоста и сухих листьев. На чём полёт и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула вверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепётывал во весь дух.

Не теряя времени, Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя всё подземелье и по нескольку раз подёргав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад

и вперёд, пытаюсь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину — и, о радость, он как раз подошёл!

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала на колени, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисина голова. «А если бы и прошла, — подумала бедняжка, — тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная! Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, ещё лучше, как веер, — тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась — и всё в порядке!»

(Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчас ничего невозможного нет!) Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно

надеясь, что, может быть, там всё-таки найдётся другой ключ или, на худой конец, книжка «УЧИТЬСЯ СКЛАДЫВАТЬСЯ!». Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырёк («Ручаюсь, что раньше его тут не было», — подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нём большими буквами было чётко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это очень заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

— Нет, — сказала она, — я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности — бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям, — и всё только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь, кажется, так просто запомнить, что, например, раскалённой докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать её в руках слишком долго; что если **ОЧЕНЬ** глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдёт кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать её содержимое.

А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (на вкус — точь-в-точь смесь вишнёвого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырьёк опустел.

* * *

— Ой, что же это со мной делается! — сказала Алиса. — Я, наверное, и правда складываюсь, как подозрная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может

выйти в чудесный сад. Но всё-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться всё меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она. — Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось, — ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что всё остаётся прежнему, Алиса побежала было в сад; но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло!

Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол и, наконец, наставшись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну вот, ещё чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго. — Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слёз; а как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет, — подумала бедная Алиса, — да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!» Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Ну и ладно, съем, — сказала Алиса. — Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану ещё меньше, пролезу под дверь. Будь что будет — в сад я всё равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что её размеры не изменились!

Вообще-то обычно так и бывает с тем, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась — почему это вдруг опять всё пошло как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

